

лонцы) были изгнаны столетием позже, а на части Пелопоннеса, не говоря уже об островах Эгейского моря, латинские владения удержались вплоть до османского нашествия. И тем не менее с воссоединением в 1261 г. восточных (малоазийских) провинций с западными (балканскими) в единое целое с центром в Константинополе развитие византийской культуры снова стало протекать как многообразный и сложный, но относительно органичный процесс с определенными общими закономерностями.

Именно в это время наблюдалась все более заметная идейная поляризация в развитии византийской науки, искусства и литературы. Обострение политической и социальной обстановки внутри страны и все более частые неудачи в отношениях с внешним миром заставляли византийцев более активно искать выход из складывавшейся ситуации. Деятели византийской науки и культуры все более явно придерживались разной идейной ориентации. С одной стороны, укреплялись связи с деятелями итальянской культуры, творцами шедевров эпохи Ренессанса, происходила секуляризация мысли и углублялся интерес к простым человеческим ценностям, к сфере чувств (эти тенденции в книге условно обозначаются понятием «гуманистические», но в несобственном, научном значении этого термина). С другой стороны, в византийском обществе первой половины XIV в. укреплялись мистические настроения, расширял свое идейное влияние на самые разные сферы жизни исихазм, который восторжествовал в 1351 г. как официальное философское и церковное учение.

Было бы преждевременным говорить здесь, во введении, о причинах расцвета византийской культуры в конце XIII — середине XV в., расцвета, нередко обозначаемого в науке как «Палеологовское возрождение». Ограничимся самым кратким замечанием: ощущение острой тревоги, пронизывавшей всю общественную атмосферу в империи в последнее столетие ее истории, напряженная работа мысли, образование сплоченных кружков и групп «интеллигентов»-единомышленников, их укрепляющиеся связи {9} с деятелями итальянской культуры — все это, по-видимому, повышало уровень культурной жизни общества, расширяло сферу его духовных интересов. Одновременно, однако, углублялся раскол в культурных кругах общества, среди его политиков, деятелей церкви, науки и искусства: одной их части уступка Западу (прежде всего папству) в обмен на военную помощь представлялась неизбежной; для большинства же, как и для масс рядовых подданных империи, заключение унии с католической церковью казалось предательством веры, равносильным смертному греху.

Итак, учитывая вкратце обозначенные выше условия развития культуры в Византии в XIII—XV вв., авторы данной книги сочли целесообразным разделить изложение композиционно на две части. Первую часть составляют шесть глав, выделенных в соответствии с хронологическим и географическим принципами. Во-первых, в этих главах рассматривается культура отдельных частей бывшей Византийской империи, развивавшихся самостоятельно; во-вторых, верхняя хронологическая грань в каждой главе определяется в зависимости от продолжительности политической жизни упомянутых частей империи в качестве независимых государственных образований. В-третьих, в главах только первой части осуществлено синтетическое комплексное рассмотрение культурного развития того или иного региона, не дифференцированное (или слабо дифференцированное) по отдельным отраслям искусства, науки и литературы.

Что касается второй части книги, то она имеет ту же композицию, какой подчинены главы первых двух книг, опубликованных в 1984 и 1989 гг. Отличие по сравнению с предшествующей книгой заключается здесь в том, что в данном томе добавлена новая глава — о ренессансных тенденциях поздневизантийской культуры, — трактующая вопрос, который не стоял в повестке дня развития культуры предшествующего времени, а составлял ее специфику только в XIV—XV вв. Напротив, в данной книге нет соответствующего очерка военного дела в поздней Византии. Отсутствие такой главы оправдано лишь отчасти: византийская военная мысль не нашла в XIII—XV вв. воплощения в каких-нибудь крупных трактатах, подобных старым «стратегиконам», может быть, потому, что основу военных сил в последний период истории империи все более составляло не отечественное войско (народное ополчение или отряды феодалов-магнатов), а наемники (профессиональные воины из стран Запада и контингента кочевнической конницы, нанимаемые центральным правительством на годы военной кампании).

Однако военная мысль византийцев, как можно судить по особенностям крепостного строительства и разрозненным свидетельствам письменных источников, развивалась и в поздний период истории империи. Но для освещения всего этого потребовались бы значительные предварительные разыскания, осуществить которые не позволили время и обстоятельства.